

«Необходимость самовластья и прелести кнута»

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

«В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастия;
Необходимость самовластья
И прелести кнута».

Эти саркастические слова поэта, адресованные к «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, могли бы в полной мере быть отнесены к представленному докладу. Исторически власть в России, провозглашается в докладе, была имманентно автосубъектна и надзаконна. Надзаконность, в свою очередь, преподносится через единый знак равенства с неограниченностью. Действительно, в России регулирующего механизма юридического права, в его западном смысле, не сложилось. Но это не означает, что российская власть была неограниченной. Каковы же ограничители этой власти? Прежде всего, к ним относится идеократический характер российской государственности.

Приведу некоторые данные рассмотрения текста доклада в ракурсе контент-анализа. Не знаю, это произошло случайно или нет, но ни разу в представленных материалах выступления не были употреблены термины «церковь» и «религия». Может быть, это объясняется прозвучавшей ссылкой докладчика на атеистическую позицию. Но смущает, в таком случае, единичный случай использования слова «идеология».

Русская власть оказалась преподнесенной без ее высшего мировоззренческого ценностного уровня существования. Получился несколько деформированный, с моей точки зрения, образ. Власть предстала как самодостаточный феномен,

хотя таковой она не была. Из традиционной идеологической триады «православие — самодержавие — народность» была купирована первая составляющая — «православие». Получилась — взамен трехипостасной — бинарная модель: «самодержавие — народность». Но это уже несколько иная форма, нежели та, которая исторически реализовывалась в России.

Автосубъектная специфика российской государственной власти во многом объясняется ее теократическим характером. В этом смысле она соотносится с теми аналогичными теократическому профилю феноменами власти, которые имели место во всем мире. И наоборот, переход к полисубъектной модели властвования связывался с соответствующими процессами секуляризации, утверждения феномена лаической культуры. Даже Иван IV совершенно не в деспотическом смысле понимал собственную власть. В ответе А. Курбскому он пояснял, что Русская земля управляется: во-первых, Божественным Промыслом; во-вторых, представительством Богородицы; в-третьих, покровительством национальных святых; в-четвертых, традицией предков, и только в-пятых — великими государями. Царь не мог изменить традицию, почитаемую выше политической власти. Именно она освящала его самодержавный статус.

Перенесемся в другую эпоху — XIX век. 42-я статья Основных законов Российской империи так определяла вероисповедальный принцип монархов: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель Правверия и всякого в Церкви Святой благочестия». Неправославный император был бы попросту незаконен. Религия и идеология в данном случае выступали как раз ограничителями императорских произволов. Ограничитель, подчеркнем еще раз, был не формальным, юридическим сдерживателем, но конструктом мировоззренческо-ценностного порядка.

Феномен модифицируемого царистского культа в России — бесспорен. Но Россия знала и другой феномен — это

образ царя-антихриста. Нигде, пожалуй, нельзя найти столько экстраполяций образа антихриста, применительно к представителям царской власти, как в российской истории. Особенно много таких экстраполяций снискал Петр I, вошедший в сознание народа во многом как фигура антихристианская и инфернальная.

Без высшего ценностного пласта феномен автосубъектной власти бессмыслен. Именно в отсутствии смыслов и заключается принципиальное отличие автосубъектной власти Путина и Медведева от автосубъектной власти российских самодержцев и представителей коммунистического руководства. Автосубъектность — и в Российской империи, и в СССР — реализовывалась ни как самоцель, а средство достижения определяемых на уровне идеологии или религии задач.

Еще одно наблюдение. Парадоксальным образом многие тезисы докладчика совпали с тезисами, аккумулярованными Ричардом Пайпсом. Различие, при общности концептуальных положений, заключается в смене знака «-» в пайпсовской оценке на знак «+» в фурсовской интерпретации. К такого рода теоретическим параллелям, по отношению к идейной канве трудов Р. Пайпса, относятся тезисы: о неприменимости к средневековой Руси термина «государство»; о необособленности в российских условиях власти и собственности; о своеволии завещания властных полномочий в России; о низкой урожайности российских земель как факторе предрасположенности к экономике мобилизационного типа. В общем, при желании доклад, вопреки авторской ценностной позиции, вполне может быть использован в качестве хрестоматии для русофобского освещения истории России.

Самовольность при передаче власти преподносится в качестве одного из базовых признаков автосубъектности. Операция «Наследник» предстает как имманентно русская проекция.

Однако нечто подобное обнаруживается не только в одной лишь России. Феномен самовольной передачи власти

наследнику известен и в истории Римской империи, и в истории государств эллинского периода, и в истории мусульманских стран Ближнего Востока. Да и Западная Европа не всегда придерживалась культа закона. Да, Людовик XIV очень сожалел, что ему придется передать власть наследнику, которого он не желал видеть на престоле. Но были также в западноевропейском прошлом и многочисленные небезуспешные попытки реализации государственных переворотов. Наполеон III пошел на узурпацию власти, не задумываясь, легитимно он в данном случае поступает или нет. Слова Н.С. Хрущева, сказанные в связи с делом валютчиков о том, что социализм выше законности, нельзя квалифицировать как специфически русскую формулу. Так, 1797 г. во Франции, во время разгона Совета пятисот, на возражения о незаконности был дан ответ совершенно в хрущевской стилистике: «Сабля — это закон».

Насколько же исторически продолжительным был период самовольности передачи власти в России? При последовательном хронологическом анализе обнаруживается, что указанная модель вообще для русской истории не характерна. В эпоху древнерусской государственности действовал, как известно, механизм лестничной системы. Последние его рецидивы прослеживаются в XV в. Иван Грозный действительно распоряжался высшей властью по своему произволу. Однако уже с конца XVI в. и весь XVII в. царь избирался на Земском соборе. В 1722 г. Петром I устанавливается акт завещания, который мог бы быть оценен как выражение автосубъектного принципа государственности. Но реально петровская модель не действовала. В процедуру избрания монарха вмешивался, в частности, Верховный тайный Совет, деятельность которого оценивается даже в качестве проекции конституционно-монархического устройства. С Павла I, вплоть до ликвидации империи, передача монаршей власти осуществлялась строго в соответствии с буквой закона о престолонаследии. Что же касается советского периода, то пере-

дача власти наследнику вообще ни разу не реализовывалась. Таким образом, на протяжении российской истории власть передавалась совершенно не автосубъектным способом.

Выражая общее согласие с лейтмотивом доклада, хотелось бы поделиться опасением. Нельзя допустить, чтобы рассуждения о специфичности российского исторического пути вышли за грань, когда они приводят к тезису об аномальности России.

Б. Чориков. Петр I принимает титул императора Всероссийского